

О том, как старый серб поститься научил

Приятель, тоже большой любитель путешествий, рассказал как-то, что заставляет его строго держать пост в условиях, которые, казалось бы, смягчают строгость. Правда, тут же поправился: «Во-первых, – говорит, – не “заставляет”, а поддерживает. Во-вторых, на роль вселенского учителя не претендую: каждый сам решает. А дело было так...».

– Я книги читать люблю. И службу церковную тоже люблю. И очень хочу, чтобы все то, что в книгах богослужебных написано, было бы мне понятно. Поэтому, когда хор или чтец мямлят, заывают, глотают слоги, слова, предложения, я жутко нервничаю. Нашел выход: купил Постную Триодь и с этой книгой ходил на службы, следил за текстом. Помогает! Но после самой службы в Триоди же есть всякие «зри», выделенные красным цветом – тоже здорово интересно, между прочим. Так вот, в одном из «зри»

Недели мытаря и фарисея я, к своей великой радости, вычитал: «Подобает ведати, яко в сей седмице иномудрствующие содержат пост, глаголемый арцивуриев. Мы же на кийждо день (се же и в среду и пяток) вкушаем сыр и яйца, миряне же ядят мясо, развращающе оных веление толикия ереси...». Свобода! Freedom! Будучи мирянином, я не только навкушался мяса в положенные дни (разрушающе, понятное дело, веления всяких там ересей), но и про монастырские сыр и яйца не забыл: дело-то серьезное.

И так мне это понравилось, что я это правило решил распространить вообще на все посты. А что: *Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе!* (Рим. 14, 17). Рад я был – не пересказать. А вот насчет праведности...

Да и мира не было: по работе приехал в растерзанную войной Сербию, тогда как раз Косово и Метохию у нее снова отнимали. Беженцы, слезы, страшные рассказы. Стоим у сельского храма где-то на юге. Литургия закончилась, народ разговаривает. Чужого увидят – подходят, знакомятся. Узнают, что русский, сразу в гости зовут. Беседуем, горюем. Но сербы все равно как-то держатся – откуда и силы берутся.

«Я стал молиться: “Господи, сохрани нас живыми и не дай нам никого убить!”»

Хозяина, помню, Гвозденом звали. Рассказал, что вся его семья – беженцы из Косово. Когда шла война, оба его сына служили в войске, а его самого, резервиста, тоже поставили под ружье. Говорит: «Война – самое поганое дело. Ни убивать, ни сыновей терять, ни быть убитым как-то не хочется. И однажды, стоя на посту, я стал молиться: “Господи, сохрани нас, пожалуйста, живыми и не дай нам никого убить!” Ну, и в подтверждение искренности этой своей просьбы я пообещал Христу, что в течение всего Великого поста буду есть только хлеб, а пить только воду. Христос

мою просьбу исполнил, я с Его помощью сдержал слово: все мы, как видишь, живы и здоровы. Да, дом потеряли, землю тоже, но Богу виднее. Трудно ли было жить во время войны на хлебе и воде? – Нет, не сказал бы. На войне мне очень нужна была молитва. Настоящая. А как она будет настоящей, если я брюхо набиваю, спрашивается? Ладно, хватит обо мне – у вас-то, в любимой матушке России, как постятся? Наверное, все светятся?»

– И вот тут, – говорит приятель, – мне так стыдно стало за все мои «вкусения», за глупость и лень, что я, наверное, с полчаса красным как рак просидел. Тебе тут пожилой человек, беженец, рассказывает, что с помощью строгого поста и молитвы сохранены жизни многих людей, а для тебя самого самая страшная аскеза – рыбка, желательно красная. Ну, икры еще можно для смирения добавить. Я ж устаю, я ж в пути постоянно – поблажечку мне извольте. Сижу я, краснею, жду, когда земля разверзнется, а пожилой серб мне про Святую Русь что-то говорит. И всей моей желудочно-кишечной свободе – грош цена, получается. А как же freedom? Видать, не понял я слов апостола Павла?

А как же freedom?

Только тут «торкнуло»: *К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу* (Гал. 5, 13). Гвозден совершенно свободно стал поститься, причем поститься так, как мне и не снилось – никак не угождение плоти. Любовью он служил людям? – Да, он даже врагам, получается, служил любовью, прося Христа, чтобы никого ни из албанцев, ни из их «освободителей» не убить.

Вот с тех самых пор я и стараюсь поститься так, чтобы стыдно не было. Путешествия часто бывают, конечно: устаешь сильно, иногда жуткий голод наваливается – быка бы слопал в Страстную пятницу. Но как вспомню старого серба, который своей свободой

послужил Христу и ближним, вновь стыжусь и воли себе не даю.
Да и быков жалко.

Петр Давыдов

